

Игорь Еремин

(1934 - 1983)

* * *

Вернулся в город юности моей,
В нем ничего почти не узнавая.
Вот улица. Неужто Трудовая?
Такие изменения на ней!

А я сюда не то чтобы в лаптях,
Но все же из села, несмел и молод,
Пришел, пугаясь даже слова "город",
И здесь теряясь, как пескарь в сетях.

Так что ж тогда меня сроднило с ним?
Да улочки, где под приглядом женским
И запах шей был явно деревенским,
И в небо плыл по-деревенски дым.

И шли коровы, в город принося
Трав аромат. И каждая корова,
Казалось, мне напоминала снова,
Что здесь теперь моя деревня вся.

И бабы по скамеечкам своим
Сидели, мирно семечки лузгая,
И никакая спешка городская
Центральных улиц не мешала им.

Где ж это все?.. Куда ни глянь, взамен
Наличников с затейливой резьбою
Краса другая, гордая собою:
И блеск витрин, и высь кирпичных стен.

И на меня взирают этажи
Глазами вопросительными стекол:
Чего, мол, грустен, словно старый сокол?
И кто ты есть, приехавший, скажи?

А что сказать?.. Естественный закон:
Я постарел, а город молодеет.
Неужто ж он и не уразумет.
Что был моею молодостью он?

И чуть обидно, будто встретил я
Товарища из той общаги нашей,
Где были поровну и чашка с кашей,
И хлеб,
где жили как одна семья.

Как странно наши разошлись пути!
Пока он ходит в помах или замах,
Пока не знает, до каких до самых
Вершин судьбы своей ему дойти,

Еще меня он узнает пока,
Но вижу я в глазах его лишь холод...
Признай меня, мой старый друг, мой город,
И не смотри уж слишком свысока!

Дворик

За гордым городским фасадом
В том прелесть скромного двора,
Что с пыльным тротуаром рядом
Живет зеленая трава.

С жары разуться, исколоться,
В тени берез к столу присесть,
Пить жадно воду из колодца,
Пока такой остался здесь.

Смотреть: компания мальчишек
Играет розовым мячом,
А самый младший - без штанишек -
Стоит, не принятый, молчком.

И напевая, и судача,
Стирают женщины белье.
И с верхним вешают, не пряча,
Любое нижнее свое.

И философствующий дворник,
Пуская клочковатый дым,
Заметит: дескать, скромн дворик,
Но людям он необходим.

И что бы ни было с тобою,
Ты все равно придешь сюда,
Чтоб просто быть самим собою,
Не приукрашивать себя.

* * *

Ломают старые дома.
На весь квартал то скрип, то скрежет.
Слух эта музыка не нежит,
Но душу трогает. Ломай!

И, тросом зацепив карниз,
“ДТ” пытит, как будто пашет,
А сам на клумбе, пятясь, пляшет
И кровлю, словно с кровью, - вниз.

Ломай! И тракторист в поту
Смекает: стар старик, но крепок.
Красавец первых пятилеток
Был, сколько надо, на посту.

Грустят старухи: “Все уйдем,
Как этот дом, готовый рухнуть”.
А дети просят: “Бросьте рухлядь!” -
И приглашают в новый дом.

А как в нем жить? А как забыть
Про тот, что был снесен под старость?
Душа корнями в нем осталась -
Легко ли их теперь рубить?

И ходят, бедные, ворча,
На газ, на воду не из речки,
На отопление без печки,
На ветер тихий - без сверчка.

Чем в новом доме дорожить?
На стенку фото прибивают,
Лежанку ставят, привыкают,
Решив со вздохом: “Можно жить...”

А по ночам опять не спят,
Припомнив, как там было - дома,
Где жизнь прошла, где все знакомо,
Где корни старые болят.

* * *

Мы забрели с дочуркой с парк.
Тянула осень рыжий хобот.
Еще не чувствовался холод,
Но изо рта струился пар.

Листва, как цинковая жесть,
Гремела и переливалась.
Малышка, топая, смеялась,
А было так печально здесь!

Ворона путалась в кустах,
Тоску пророча и усталость.
Но дочь за мой рукав хваталась
И забывала всякий страх.

И мира праздничная суть
Ей представлялась, как и прежде,
В большой раскрашенной одежде,
Не измененная ничуть.

И это мне передалось.
Я ощутил себя моложе,
Чему-то радовался тоже
И целовал дочурку в нос.

Не то чтоб я был убежден,
Что осень можно спутать с маем.
Все дело, как воспринимаем,
На что надеемся и ждем.

Осень на Амуре

Какая ясная погода!
Амур спокоен, в небе синь.
Вся в ожиданиях захода
Стоит осенняя теплынь.

Вот лист и тот, хоть впору греться,
Летит, горячий, как огонь.
Овальным, он похож на сердце,
А пятипалый - на ладонь.

Он упадет, чтоб эту землю
Собой украсить и согреть.
Ах, осень! Я тебя приемлю,
Какой ты есть и будешь впредь.

В твой шум, как в свой тревожный возраст,
Вхожу, горю в твоём огне.
И журавлей печальный возглас,
Как детский крик, звучит во мне.

И провожает кротким взглядом
Меня последний отблеск дня.
Ах, осень! Ты не просто рядом,
А словно в сердце у меня.

Мне хорошо стоять и греться
У клена, словно у костра.
Как человеческое сердце,
Щедра осенняя пора.